

Эмма Гольдман

Что я думаю...

Оглавление

1. Касательно собственности	4
2. Касательно правительства	5
3. Касательно милитаризма	6
4. Касательно свободы слова и прессы	8
5. Касательно церкви	9
6. Касательно брака и любви	10
7. Касательно насилия	12

«Что я думаю» было часто темой известных писак. Ходили настолько безкровные и безжизненные истории обо мне, что не удивительно, что у среднего статистического человека уже при простом упоминании имени Эмма Голдман ёкает сердце. Действительно, жаль, что мы не живём больше во времена, когда ведьм сжигали или мучали у столба, чтобы изгнать из них злой дух. Ведь Эмма Голдман — несомненно ведьма! Хотя она и не пожирает младенцев, она же занимается куда более плохими вещами. Она изготавливает бомбы и играет в свои игры с коронованными особами! Б-р-р-р! Это впечатление, которое имеет обо мне и моих убеждениях общество. Поэтому надо действительно быть весьма благодарным „The World“, за то, что даёт своим читателям хотя бы возможность узнать, каково моё мнение в действительности.

Тому, кто изучает историю прогрессивного мышления, пожалуй ясно, что каждая идея была неверно представлена в её начальных стадиях и что предстателей таких идей оклеветывают и преследуют. Даже не нужно возвращаться на две тысячи лет назад, во время, когда тех, кто верил в Христа, бросали на арену или в тюрьму, чтобы понять насколько мало бывают поняты великие мысли или серьёзные мыслители. История прогресса написана кровью тех мужчин и женщин, которые осмелились связать себя с непопулярной идеей, как, к примеру, право чёрных на собственное тело или право женщин на собственную душу. И если уж всему новому незапамятных времён отвечают сопротивлением и проклятием, то почему бы не надеть терновый венец и на мои мысли?

«Что я думаю» представляет собой скорее процесс, чем нечто окончательное. Определённости — для богов и правительств, не для человеческого рассудка. Может быть, что формулировка свободы по Герберту Спенсеру как политическая основа общества является одной из самых важных в своём роде; жизнь, тем не менее, означает больше, чем формулы. В борьбе за свободу, как хорошо подметил Ибсен, это прежде всего борьба за свободу, не столько её достижение; она раскрывает всё самое сильное, крепкое и прекрасное в человеческом характере.

Анархизм шагает вперёд, как процесс, не только «мягкой поступью» и защищает всё, что является ценным творческим в плане органичного развития. Он показывает себя как отчётливый протест самого воинственного толка. Он представляет собой бескомпромиссную, упрямую и проникающую силу, чтобы отразить и одолеть интенсивные нападения и любую критику тех, кто в действительности дует в последние трубы распадающейся эры. Анархисты — ни в коем случае пассивные наблюдатели в театре социального развития; напротив, у них весьма позитивные представления о целях и методах.

Чтобы я могла выразиться, не занимая много места, так ясно, как только возможно, да будет мне разрешено предпринять тематическое разделение того, «что я думаю».

1. Касательно собственности

«Собственность» означает владение вещами и препятствование остальным в пользовании этими вещами. Пока производство отвечало нормальному спросу, существование институционно охраняемой собственности ещё могло быть оправдано. Стоит только спросить экономистов, чтобы увидеть, что продуктивность работы чудовищно возрасла в последние десятилетия, что она превышает потребность в сотни раз и, что она сделала собственность не только препятствием людского благосостояния, но и блокадой, даже смертельным барьером на пути какого-либо развития. Частное владение вещами обрекает миллионы людей на бытие ничтожеств, живых трупов без оригинальности или воли к инициативе, человеческих машин из плоти и крови, которые водружают горы богатств для других, а сами расплачиваются за это собственной серым, скучным и жалким существованием. Я убеждена, что не может быть никакого действительного благополучия, общественного достатка, пока он оплачивается человеческой жизнью — молодой жизнью, старой жизнью и образующейся жизнью.

Все радикальные мыслители объявляют, что основная причина этого ужасного положения заключается в том, что (1) человек должен продавать свою рабочую силу и (2) его стремления и его мышление подчинены господину. Анархизм — это единственная философия, которая хочет и может изменить эту унижительную ситуацию. Он отличается от всех остальных теорий тем, что утверждает, что только развитие человека, его телесное самочувствие, его духовные способности и врождённые предрасположенности должны определять род и условия его труда. Так же физическая и духовная оценка каждого должны определять, сколько ему потреблять. Я полагаю, реализовать это можно будет только в таком обществе, которое строится на добровольном сотрудничестве производительных групп, общин и сообществ, которые заключаются свободно, и которое, движимое равенством интересов, вероятно разовьётся в свободный коммунизм. Не может быть свободы в широком смысле этого слова, никакого гармоничного развития, пока поведение каждого определяется большей частью экономическими и профитабельными интересами.

2. Касательно правительства

Я убеждена, что правительство, организованная власть и государство служат только тому, чтобы поддерживать и защищать собственность и монополию. Пользу они приносят только в этой функции. Что касается их функции как развивающих индивидуальную свободу, человеческого благополучия и общественной гармонии, которые представляют собой действительный порядок, то правительство было отвергнуто как непригодное всеми великими умами мира.

Поэтому я верю с моими анархистскими товарищами, что все законы, законодательные права и конституционные учреждения представляют собой нападения. Они ещё никогда не побуждали человека делать то, что он по своему уму или темпераменту не мог бы или не хотел бы делать; и они ни разу не предотвратили что-либо, к чему человек был принуждён тем же диктатом.

Красочное описание в «Человеке с крюком» Миллета, мастерское произведение Мойнира о шахтёрах, котрые помгли поднять труд из его унижительного положения; описание низов общества у Горького; психологический анализ человеческой жизни у Ибсена; к этому никогда бы не могло побудить правительство; точно так же, как дух, побуждающий человека спасти утопающего ребёнка или раненую женщину из горящего дома, когда-либо будет вызван к жизни правительственным постановлением или полицейской дубинкой. Я верю — нет, я знаю точно, что всё доброе и прекрасное в человеке, не важно кто он, выражается и проявляет себя не из-за правительства, но как раз ему вопреки.

Из этого анархисты полагают, что анархия, отсутствие власти, сможет гарантировать широчайший и огромный спектр для базпрепятственного человеческого прогресса, основания дальнейшего социального развития и социальной гармонии. В типичный аргумент, что правительство влияет контролирующе на преступления и пороки, более не верят и сами законодатели. Эта страна тратит миллионы долларов на содержание своих «преступников» за решёткой, но уровень преступности, тем не менее, поднимается. И этот факт вызван совсем не непригодностью законов! Девяносто процентов всех преступлений — с экономическими мотивами, и они коренятся в нашей экономической несправедливости. И пока они существуют, мы могли бы превратить все фонари в виселицы, нисколько не повлияв на уровень преступности в нашей среде. Преступления, вызванные генетически, точно не могут быть предотвращены законами. Само собой, мы учимся сегодня, что такие преступления могут быть вылечены лучшими медицинскими методами, если мы этого хотим, и прежде всего через дух глубочайшего понимания товарищества, друженственности и взаимопонимания.

3. Касательно милитаризма

Вообще-то, я не должна была уделять этой теме особое место, поскольку она принадлежит к атрибутам правительства, если бы не то обстоятельство, что как раз те, кто активно выступает против моих мыслей, и кстати, по причине, мол, они призывают к насилию, и есть сторонники милитаризма.

Факт есть, что анархисты — единственные истинные адвокаты мира, единственные, кто выступает против растущей тенденции милитаризма, которая быстро формирует империалистскую и деспотичную силу из некогда мирной страны. Ничто так безжалостно, бассердечно и жестоко, как милитаристский дух. Он питает организацию, для которой нет даже образа оправдания. Солдат суть профессиональный убийца людей, если повторить за Толстым. Он убивает не из любви к убийству, как дикарь, или из страсти, как убийца. Это хладокровный, механичный, послушный своему военному командованию инструмент. Готовый по приказу высшего офицера резать глотки или потопить корабль, не зная или даже не заботясь о том, зачем и почему. В этом вопросе меня поддерживает немалое военное светило, генерал Фанстон. Напомню о его письме в *New York Evening Post* от 30 июля. Там он рассказывает о случае солдата Вильяма Бувалды, который привлёк к себе огромное внимание на всём северо-востоке.* Наш храбрый воитель говорит: «Первая обязанность каждого офицера и каждого обычного солдата заключается в неприкословном подчинении и безусловной верности правительству, которой он поклялся в верности; не важно, признаёт он это правительство или нет.»

Как сочетается принцип «неприкословного подчинения» с принципом «жизни, свободы и стремления к счастью»? (строка из американской конституции) Убийственная сила милитаризма ещё не демонстрировалась в этой стране так действительно, как при недавнем осуждении Вильяма Бувалды из Сан Франциско, рота А, инженер, военным судом к пяти годам военной тюрьмы. Мужчина, котрый отслужил подряд пятнадцать лет.¹

«Его характер и поведение были безупречны», говорит нам генерал Фанстон, котрый по рассмотрении сего сократил приговор Бувалды до трёх лет. Но Бувалда оказывается вышвырнутым из армии, разжалованным, лишённым

¹ Солдат Вильям Бувалда был арестован, представлен перед трибунал, уволен без почестей и приговорён к пяти годам принудительных работ. Причина: он пожал Эмме Голдман руку после того, как она произнесла речь о патриотизме в Сан Франциско в 1908 году. Генерал, котрый вёл процесс, назвал «рукопожатие с этой опасной, анархистской женщиной» тяжёлым преступлением, котрым Вильям Бувалда себя запятнал. Бувалда, отслужил 15 лет, был однажды награждён за «очень верную службу». В то время он ничего не знал об анархизме. Выступления Эммы Голдман он посещал из чистого любопытства. Через 10 месяцев после заключения он был помилован президентом Теодором Рузвельтом. Выйдя из тюрьмы, Бувалда немедленно послал свои награды одратно в армию. В письме он заявил, что ему «это барахло ни к чему . . . Отдайте их тем, кто ценит их больше, чем я.» После этого он присоединился к анархистскому движению.

права на пенсию и посаженным в тюрьму. Слушайте же, вы, свободнорожденные американцы! Вильям Бувалда посетил открытое вытупление и пожал выступавшему после рачи руку. Генерал Фанстон объявляет в своём письме, что поступок Бувалды является якобы «великим военным преступлением, куда худшим, чем дезертирство». Также с Портленде, Орегон, генерал заявил, что «преступление Бувалды так же тяжко, как предательство.»

Действительно, анархисты организовали собрание. Если бы социалисты его организовали, как поучает нас генерал Фанстон, не было бы никаких обвинений по поводу присутствия Бувалды. Генерал действительно заявляет: «Я бы и сам не медля посетил социалистическое собрание.» НО (!) посещение анархистского собрания с Эммой Голдман в качестве выступающего — что может быть большим «предательством»?

За это ужасное преступление отвечает мужчина, свободный американский гражданин, который пожертвовал этой стране пятнадцать лет своей жизни, и чей характер и поведение в то время были «безупречны», в тюрьме, без почестей, униженный, лишённый средств к существованию. Есть ли что-нибудь, что разрушило бы идеал свободы более, чем тот дух, сделавший приговор Бувалды возможным — тот дух бесприкословного подчинения? На это ли пожертвовал американский народ в последние несколько лет 400 миллионов долларов и свои внутренние силу и энергию?

Я уверена, что милитаризм — постоянные армия и флот в какой-либо стране — это знак распада свободы и разрушения всего того, что в нашей стране можно назвать наилучшим и наилучшим. Становящийся всё громче крик о дополнительных военных кораблях и лучше вооружённой армии, с обоснованием, что они утвердят мир, так же абсурден, как и утверждение, что мирный человек — это тот, что разгуливает хорошо вооружённым. Тот же недостаток последовательности проявляется и у сторонников мира, которые выступают против анархизма, потому, что он якобы проповедует насилие, и которые были бы всё равно очень рады, была бы американская нация в ближайшее время в состоянии кидать бомбы с самолётов на беззащитных врагов.

Я уверена, милитаризм исчезнет в тот момент, когда все любящие свободу скажут своим господам: «Исчезни! Иди сам убивай! Мы достаточно долго жертвовали собой и своими близкими, чтобы сражаться за тебя. За это ты сделал из нас в мирное время паразитов преступников, а в военное — заставил огрубеть. Ты разлучил нас с братьями и сделал из мира человечью бойню. Нет, мы больше не хотим убивать или сражаться за эту страну, что ты у нас украл.» О, я верю всем сердцем, что братство и солидарность между всеми людьми осветит горизонт с его кроваво-красными полосами войны и разрушения.

4. Касательно свободы слова и прессы

Случай Бувалды — это только один момент в более глубоком вопросе свободы слова, свободы прессы и права беспрепятственно собираться.

Многие легковверные люди полагают, что принципы свободы прессы и слова могут быть правильно защищены и использованы в рамках конституционных гарантий. Это кажется мне единственным извинением утрашающих апатии и равнодушия в отношении ограничений свободы слова и прессы, которых мы отведали в этой стране в последние месяцы.

Я думаю свобода слова и прессы означает, что я могу говорить и писать всё, что мне вздумается. Это право становится фарсом, если оно регулируется конституцией, законами, всемогущими решениями почтового министра или полицейской дубинкой. Конечно, вы предупредите меня о последствиях, если мы освободим слово и прессу от оков. Я же уверена, что лекарство от последствий, вызываемых беспрепятственным выражением мнения, заключается в том, чтобы расширить право выражения мнения ещё более. духовные узы никогда не могли задержать движения прогресса; но преждевременные социальные возмущения зачастую вызывались волнами репрессий.

Не научатся наши правители, что такие страны, как Англия, Голландия, Норвегия, Швеция и Дания, страны с более широкой свободой слова, — страны, которые имеют менее всего этих «последствий»? И напротив: Россия, Испания, Италия, Франция и, к сожалению, даже Америка делают эти «последствия» напряжённейшим политическим фактором. Всё время утверждается, что наша страна управляется большинством; тем не менее, каждый полицейский, наделённый властью не большинством, может распускать собрания, уводить выступающих с трибуны и ударами разгонять слушателей в зале, в настоящей русской манере. Почтовый министр, не выбираемый чиновник, обладает властью запрещать публикации и изымать почту. Его решения так же неоспоримы, как решения российского царя. Я действительно верю, что нам нужна новая Декларция Независимости. Неужели нет современных Джефферсонов и Адамсов?

5. Касательно церкви

На недавнем собрании политических остатков некогда революционной идеи было высказано, что религия и членство в партии несовместимы. И с чего бы это им? Пока человечеству хочется доверять блаженство своей души дьяволу, до тех же пор оно может с той же последовательностью доверять благосостояние своих прав политикам. Что религия — дело личное, было сказано уже давно пре-марксистскими немецкими социалистами. Наши американские марксисты, безжизненные и бедные оригинальностью, должны отправиться в Германию, во имя их же мудрости. Эта мудрость сослужила уже дурную службу для загнания нескольких миллионов человек в дисциплинированную армию социализма. Она могла бы устроить здесь то же самое. Во имя Господа, не станем оскорблять религиозные чувства народа!

Религия — это суеверие, берущее начало в духовной неспособности человека объяснить явления природы. Церковь — это организация, которая постоянно ставит палки в колёса прогрессу. Основание церкви отняло у религии её наивность и простоту. Она сделала религию кошмаром, который подавляет душу человека и заковывает разум в цепи. «Царствие тьмы», как называет церковь последний настоящий христианин, Лев Толстой, всегда было врагом человеческого становления и свободного мышления. И посему она не имеет места в жизни по-настоящему свободного народа.

6. Касательно брака и любви

Я полагаю, в этой стране нет темы более табуизированной, чем эта. Кажется, что почти невозможно о ней говорить, не задевая чувства такта многих различных людей. Не удивительно, при таком-то неведении в этом комплексе вопросов. Короткая дискуссия, даже если вести её открыто, свободно и с умом, не сможет очистить воздух от этих истерических, насыщенных эмоциями испарений, которые скрывают те жизненно важные темы, темы полные значения, как для благосостояния отдельных личностей, так и для общества.

Брак и любовь не равнозначны. Напротив, часто они противоречат друг другу. Конечно, многие браки заключаются по любви, но очень скоро узкие, материальные границы брака удушают нежные соцветия влечения.

Институт брака снабжает государство и церковь неслыханным доходом и средствами, с любопытством вторгаться в область жизни, которую многие люди долго рассматривали как их собственную, их необходимо собственную, священную область. Любовь — это то чрезвычайно сильное влияние на межчеловеческие отношения, которое с незапамятных времён противилось всем законам, которые сформулировали люди, и пробивало решётки церковных и моральных предписаний. Зачастую, брак — это чисто экономическое соглашение, которое снабжает женщину на протяжении всей её жизни средством к существованию, а мужчину — красивой игрушкой и гарантирует ему потомство. Это означает, что брак, или даже добрачное воспитание женщины, формирует из женщины, чтобы она могла жить, паразита, зависимую и беззащитную служанку, в то время как мужчину он снабжает документом на владение человеческой жизнью со всеми правами.

Что могут такие отношения иметь общего с любовью? С элементом, который должен бы стоять над всеми богатствами и властью и жить в собственном мире баспрепятственного человеческого выражения? Но мы живём не во времена романтики, не в дни Ромео и Джульетты, Фауста и Гретхен, не во время серенад при луне, цветов и песен. Мы живём в трезвое время. Наши главные мысли — о доходе. Тем хуже для нас, если мы достигли эпохи, когда высочайшие полёты души следует умерить.

Но если двое молётся в храме любви, что станет тогда с золотым тельцом, с браком? «Он составляет единственную уверенность для женщины, для ребёнка, для семьи, для государства.» Но для любви он не составляет уверенности, а без любви не существует и не может существовать действительное основание. Без любви не следует рождаться ребёнку, без любви не следует честной женщине вступать в отношения с мужчиной. Опасения, что любовь не даёт достаточной финансовой уверенности для ребёнка, устарели. Я верю, если женщина посвятит себя своей эмансипации, её первое объявление независимости будет заключаться в том, чтобы восхищаться и любить мужчину за

качества его сердца, а не за качества его кошелька. Второе объявление будет заключаться в том, что она возьмёт себе право следовать своей любви, без одобрения или препятствия со стороны окружения. Третьим и важнейшим объявлением будет абсолютное право на свободное материнство.

В такой матери и в настолько же свободном отце и заключается уверенность ребёнка. Они обладают силой и равновесием, чтобы создать атмосферу, только с которой человеческий росток может взреть до небывалого цветка.

7. Касательно насилия

Вот я и добралась до пункта моего мировоззрения, по поводу которого в сознании американской общественности царит огромное непонимание. «Ну, скажи же, не проповедуешь ли ты насилия, не проповедуешь ли ты убивать венценосных особ и президентов?» Кто сказал, что я это делаю? Слышал ли ты, чтоб я такое говорила, слышал кто-нибудь, чтоб я такое говорила? Видел ли кто-нибудь подобное в нашей литературе, чёрным по белому? Нет, но тем не менее это утверждают газеты; все это утверждают; значит, так и есть. О, эта пронизательность, эта логика дорогой общественности!

Я утверждаю, что анархизм — это единственная философия мира, единственная теория социального порядка, которая ставит человеческую жизнь превыше всего. Я знаю, некоторые анархисты совершали акты насилия, но их подтолкнули к таким поступкам страшное экономическое неравенство и великие политические несправедливости, а не анархизм.

Каждый существующий общественный институт основан на насилии; даже наша атмосфера пропитана им. Пока это состояние продолжается, мы с таким же успехом можем надеяться остановить Ниагарский водопад, как и заставить насилие исчезнуть. Я уже упоминала, что в странах с определённым уровнем свободы слова почти не бывает или совсем нет террора. В чём мораль? Всё просто: никакое из деяний анархистов не свершалось во имя личной выгоды, прибыли или ради того, чтобы привлечь к себе внимание, но из сознательного протеста против определённых репрессивных, произвольных или тиранских мер сверху.

Цасиро убил французского президента Карно в ответ на нежелание Карно отменить смертный приговор Вайлана, за жизнь которого выступил весь литературный, научный и гуманитарный мир Франции. Бреси отправился за свой счёт в Италию, на что он сам зарабатывал на шелкопряднях в Патерсоне, чтобы по справедливости отплатить королю Умберто, за его приказ расстреливать беззащитных женщин и детей во время беспорядков из-за продовольствия. Ангелино казнил премьерминистра Канова потому, что тот воскресил в тюрьме Монтю дух испанской инквизиции. Александр Беркман покушался на жизнь Генри К. Фрика во время забастовки в Хоумстэде. Он просто глубоко сочувствовал одиннадцати забастовщикам, расстрелянным пинкертонами, и жёнам и сиротам, которых выгнали из нищенских домов, находившихся во владении мистера Карнеги.¹

¹ Агенты Pinkerton National Detective Agency, частного детективного бюро, часто использовались на стачках для защиты штрейбхереров. До Хоумстэда они вмешивались более 70 раз в крупные конфликты. Бюро располагало 2000 постоянных агентов, а в случае надобности могло привлечь резерв до 30 000 человек.

Каждый из этих мужчин не только поведал о своих причинах всему миру в письменной или устной форме, сообщая о том, что привело к покушению, и доказывая, что это было невыносимое экономическое и политическое давление, что это были страдания и отчаяние тех мужчин, женщин и детей, с которыми они чувствовали себя связанными, которые подтолкнули их к этим действиям, и что это не в коем случае не была философия анархизма. Поэтому они открыто, свободно и с готовностью выносили последствия, жертвовали собственной жизнью. Если я ставлю диагноз этого социального заболевания, то я не могу осуждать тех, кто страдает от этой широко распространенной болезни не по своей вине.

Я не верю, что эти покушения могут привести к социальному перевороту или, что они хотя бы были совершены с этой мыслью. Это может произойти только из широкого воспитания касательно места человека в обществе и его действительных отношений к окружающим, а во-вторых при помощи примера. Под примером я понимаю: жить в соответствии с познанной правдой, а не только теоритизировать о её живом содержании. В конце концов мощнейшее оружие — это сознательный, разумный и организованный экономический массовый протест через прямое действие и генеральную забастовку.

Распространённое мнение, что анархисты отвергают организацию и, следовательно, выступают за хаос, абсолютно беспочвенно. Верно, мы отвергаем всякую принудительную и произвольную организацию, которая принудительно объединяет людей с различными склонностями и интересами в одно и принудительно их удерживает. Организацию, которая строится как итог общих интересов посредством свободного договора, анархисты не только не отвергают, но считают её единственно возможной основой общественной жизни.

Это гармония органичного роста, из которой происходит многообразие цветов и форм, всё то, чем мы восхищаемся в цветке. Так же и организованное действие свободных людей, влекомое духом солидарности, разовьётся в совершенную социальную гармонию, а это и есть анархия. Точно то, что только анархизм делает антиавторитарные организации реальностью, так как он упраздняет противоречие между индивидуумом и классом.

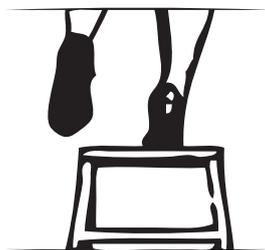

Генри Клэй Фрик был председателем Carnegie Company, стачки происходили в 1892 году. Покушение не удалось, а Беркмана приговорили к 22 годам заключения. Кстати, Голдман поддержала идею Беркмана о покушении и добыла для него револьвер. О других «актах прямого действия», упоминаемых Голдман, у меня, к сожалению, информации нет. (Прим. пер.)

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Эмма Гольдман

Что я думаю...

1908

Оригинал опубликован в New York World, 1908
spb-anarchists.anho.org , проверено 20.09.2011